

ИСТОКИ

социокультурная
среда
экономической
деятельности
и экономического
познания

Москва
Издательский дом
Высшей школы экономики

2011

УДК 330.8(059)

ББК 65.02

И89

Редакционная коллегия:

Я.И. Кузьминов (главный редактор),

В.С. Автономов (заместитель главного редактора),

О.И. Ананьин, И.А. Болдырев, П.Н. Клюкин, Н.А. Макашева,

А.В. Поletaев, *О.И. Шкаратан, Р.М. Энтов*

Ответственный секретарь

М.Л. Майофис

Научные редакторы разделов:

В.С. Автономов (раздел 1), *О.И. Ананьин* (раздел 4),

И.А. Болдырев (раздел 2), *Л.Л. Васина* (раздел 4),

Н.А. Макашева (раздел 3)

Научное издание

Истоки:

**социокультурная среда экономической деятельности
и экономического познания**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *М.С. Ковалева*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка: *С.В. Родионова*

Корректор *С.М. Хорошкина*

Подписано в печать 30.06.2011. Формат 60×88/16. Гарнитура NewtonС
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 40,7. Уч.-изд. л. 33,5. Тираж 1000 экз. Изд. № 1097

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. Тел./факс: (499) 661-15-52

ISBN 978-5-7598-0744-5

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Андрея Владимировича Полетаева (1952–2010)..... 5

ЭКОНОМИКА И ЭТИКА

Татьяна Б. Коваль

Богатство и бедность в контексте
религиозной этики..... 9

Александр А. Сусоколов

Принципы экономических отношений
в традиционном исламе
и ценности предпринимательства..... 54

Джеймс М. Бьюкенен

Этические правила, ожидаемые оценки
и большие группы 90

Дэниел М. Хаусман, Майкл С. Макферсон

Серьезное отношение к этике:
экономическая теория и современная
моральная философия..... 112

ЭКОНОМИКА И ЛИТЕРАТУРА

Иван А. Болдырев

Введение в тему..... 237

Татьяна Д. Венедиктова

«Безыскусное искусство» на рынке ценностей..... 241

Дирдра Н. Макклоски

Риторика экономической теории 252

Вивьен Браун

Переосмысливая «проблему Адама Смита»..... 321

ДЖ.М. КЕЙНС И ВЕРОЯТНОСТЬ

Наталья А. Макашева

Введение. От «логики вероятности» к «экономической теории неопределенности»: где искать философскую основу экономической теории Дж.М. Кейнса?	355
--	-----

Джон М. Кейнс

Трактат о вероятности (избранные главы)	379
Полемика с Кейнсом	420

Франк П. Рамсей

Истина и вероятность (1926)	420
-----------------------------------	-----

Франк П. Рамсей

Дальнейшие соображения (1928)	459
-------------------------------------	-----

Франк П. Рамсей

Последние работы (1929)	470
-------------------------------	-----

ПАМЯТНИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.И. РУБИНА

Людмила Л. Васина

И.И. Рубин и его рукопись «Очерки по теории денег Маркса»	475
--	-----

Исаак И. Рубин

Очерки по теории денег Маркса	501
-------------------------------------	-----

Библиография работ И.И. Рубина	626
--------------------------------------	-----

Данкан К. Фоули

К теории денег Маркса	633
-----------------------------	-----

Данкан К. Фоули

Послесловие к русскому изданию статьи «К теории денег Маркса»	653
--	-----

Об авторах	667
------------------	-----

Памяти Андрея Владимировича Полетаева (1952–2010)

18 сентября 2010 г. скоропостижно скончался наш коллега, член редколлегии и постоянный автор альманаха «ИСТОКИ» Андрей Владимирович Полетаев. Отечественное обществоведение потеряло талантливое экономиста и историка, ученого-гуманитария высочайшей культуры, носителя лучших традиций русской интеллигенции.

Окончив экономический факультет МГУ по специальности «экономическая кибернетика», он пришел в ИМЭМО в сектор Револьда Михайловича Энтова, где молодые ученые занимались анализом сложных проблем капиталистической экономики США, осваивая методы и академическую культуру современной экономической науки. Приоритет научной строгости над любыми привходящими обстоятельствами — такую жизненную установку сформировала в Андрее Полетаеве, тогда просто Андрее или Энди, как его называли друзья, творческая атмосфера научного поиска, царившая в этом легендарном коллективе. Очень рано удостоившись докторской степени за фундаментальное исследование динамики нормы прибыли (1989 г.), Андрей Владимирович не стал узким специалистом-экономистом. Интерес к истории, философии, социологии науки привел его в стан нового поколения гуманитариев, владеющих новейшими методами исследования и открытых для междисциплинарного общения.

С именем Андрея Полетаева накрепко связаны замысел и осуществление замечательного проекта «THESIS», донесшего до отечественного читателя лучшие образцы современной классики общественных наук. Очень многим обязаны ему и наши «ИСТОКИ», стремящиеся продолжать дело «THESISa». В последние годы организационная и

творческая энергия Андрея Полетаева была направлена на создание и развитие в Высшей школе экономики Института гуманитарных и исторических исследований (ИГИТИ) как междисциплинарного центра консолидации отечественного академического сообщества в области общественных и гуманитарных наук.

Благодарность и признание — вот чувства, которые все мы испытываем и всегда будем испытывать, вспоминая Андрея Полетаева.

ЭКОНОМИКА И ЭТИКА

Татьяна Б. Коваль

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭТИКИ

Богатство и бедность вечно сопутствуют человечеству. Неразлучной парой изобильного Пороса и нищенки Пении называл их мудрый Платон¹. Проходят века, а их противостояние не прекращается, разрыв в уровне доходов не только не уменьшается, но даже растет. В «Декларации тысячелетия» ООН, принятой в 2000 г., отмечались небывалые масштабы социальной и имущественной дифференциации. В качестве первоочередной задачи выдвигалось преодоление нищеты, сокращение вдвое доли населения, имеющего доход менее 1 долл. США в день, и повышение уровня жизни наиболее отсталых стран и народов².

В России 2000-х годов, где по данным Росстата коэффициент дифференциации доходов³ составил более 15 раз⁴, вопросы, связанные с неравенством, приобрели особый смысл и значение. Наша страна занимает второе место в мире (после США) по числу долларовых миллионеров, и в то же время 59% населения, согласно социологическим исследованиям, находятся «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности»⁵. Возмущение вопиющим

¹ Платон. Пир // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 13.

² Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/russian/documen/declarat/summitdecl.htm> .

³ Речь идет о разнице в доходах между 10% самых богатых и 10% самых бедных россиян.

⁴ См. официальный сайт Росстата: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/IssWWW.exe/Stg/d02/06-01.htm .

⁵ Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. 2009. № 2. С. 6.

неравенством часто перерастает в недовольство всей новой российской системой общественных отношений. По справедливой оценке Н.М. Римашевской, «образовались как бы две России», различающиеся между собой не только по материальной обеспеченности, но и по своей психологии, ценностным ориентациям, жизненным устремлениям⁶.

В этом контексте важно обратиться к одному из аспектов проблемы, который зачастую остается в тени. Он связан с религиозным опытом человечества и нравственным осмыслением богатства и бедности. В свое время ему уделяли большое внимание корифеи социологии и прежде всего М. Вебер. Но его интересовали «не этические теории теологических компендиумов, а коренящиеся в психологических и прагматических религиозных связях практические импульсы к действию»⁷. Мы предлагаем сосредоточиться как раз на такого рода теориях и рассмотреть особенности православного подхода к материальным благам, сопоставив его с католическим и протестантским.

1. Универсальные принципы в отношении к земным благам

Чтобы не принять универсальное за уникальное, свойственное только православию или только христианству в целом, необходимо сказать об общих нравственных принципах социально-экономической жизни, выработанных человечеством. На них ориентировались верующие многих религий мира в течение веков и тысячелетий.

Как бы ни воспринимались высшие силы, — безличным Абсолютом, Мировым Разумом, целым пантеоном богов или единственной Божественной Личностью — этические заповеди, в том числе касающиеся собственности и богатства, во многом совпадали. Это и неудивительно, поскольку в основе лежало «золотое правило», которое звучало практически одинаково в самых разных учениях. Считается, что впервые его сформулировал греческий поэт-философ Гесиод (VIII в. до н.э.), призывая «не делать другому того, чего не желаешь себе». Это же пропове-

⁶ *Римашевская Н.М.* Человек и реформы: секреты выживания. М.: ИСЭПН РАН, 2003. С. 104.

⁷ *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 43.

довали восточные учителя мудрости, в частности Конфуций (Лунь юй, XV, 23). В Ветхом Завете это правило было преобразовано в заповедь деятельной любви: «люби ближнего, как самого себя» (Лев. 19, 18), которая стала в Новом Завете краеугольным камнем индивидуальной и социальной этики, распространяясь на все человечество. В Коране Аллах через Мухаммада обращается к людям: «Я не прошу у вас награды..., а зову лишь любить ближнего» (Коран, 42, 43). Впрочем, в Евангелии говорится и о нравственном минимуме: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк 6, 31). То же самое сказано и в Коране: «Не обижайте других, и сами не будете обижены» (Коран, 2, 279).

Таким образом, исходя из совершенно разных идейных предпосылок, основатели различных религий и духовных учений приходили своими, порой противоположными, путями к одному и тому же. Можно выделить несколько всеобщих, универсальных принципов социально-экономической этики, которые представляются особенно значимыми.

Первый заключался в признании духовных благ более важными, чем материальные. Это, конечно, не значит, что земное благополучие отвергалось. О нем молились с древнейших времен до наших дней. Большинство духовно-религиозных учений связывали его с благосклонностью богов. В данном случае речь идет об определенной иерархии ценностей. Все, наверное, помнят фразу, ставшую крылатой: «не хлебом единым жив человек». Ее говорит Иисус в ответ искусителю, который предлагал превратить камни в хлебы. Это — цитата из Ветхого Завета: «не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа живет человек» (Втор. 8, 3). Здесь говорится не только об определенной иерархии ценностей, но и, как следует из контекста, о том, что в конечном счете хлеб насущный (точнее условия для получения его) как и все необходимое подаются по воле Всевышнего⁸.

⁸ Как бы в продолжение этой мысли в этой же главе говорится: «И когда будешь есть и насыщаться, тогда благословляй Господа, Бога твоего, за добрую землю, которую Он дал тебе» (Втор. 8, 10). Далее следует призыв к избранному еврейскому народу помнить помощь и благодеяния Господа в трудный период странствования по пустыне, чтобы, обретя благоденствие на земле обетованной, он не решил, что сытость и процветание достигаются только человеческими силами, а Божественное благоволение здесь ни при чем.

Тот же приоритет духовного над материальным проповедовали практически все духовно-религиозные учения. Так, древнегреческие философы были единомышленны с Платоном в том, что высшим натурам «свойственны возвышенные помыслы», а не думы о «богатстве и всякого рода обеспеченности»⁹. Один из них, Кратет, так выразил общую мысль:

Все, что усвоил я доброго,
мысля и слушаясь Музы,
стало моим;
а иное богатство накапливать тщетно.

Учителя Древней Индии и Китая по-своему развивали эту же идею. «Совершенный человек живет духовным!» — восклицал великий даос Чжуан-цзы¹⁰. И призывал довольствоваться малым, как и многие другие китайские мудрецы, которые учили: «Бедность не нужно гнать прочь. Прогоните обеспокоенность бедностью, и ваше сердце будет вечно пребывать в чертогах радости и довольства»¹¹. В своих проповедях Будда также часто говорил о том, что добро и милосердие — это единственная собственность, которую возьмет с собой смертный, уходя в мир иной.

Отсюда *второй* общий принцип: остерегайтесь попасть в духовный плен к богатству! Не будьте жадными и скаредными! Древнеиндийская Ригведа предупреждала: «На дороге, которая ведет к богатству, многие люди погибают»¹². О том же говорили конфуцианские трактаты: «Сладкое вино, приятные звуки, высокая кровля, резные стены — обладание даже чем-то одним из этого неизбежно приводит к гибели»¹³. Для того чтобы этого не произошло, нужно уметь обуздывать свои страсти и желания.

⁹ Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 275.

¹⁰ Из книги «Чжуан-цзы» // Антология даосской мудрости / сост. В.В. Малявин, Б.Б. Виногородский. М.: Товарищество «Клышников, Комаров и К^о», 1994. С. 57–58.

¹¹ Хун Цзычэн. Вкус корней // Афоризмы старого Китая. М.: Наука, 1988. С. 136.

¹² Цит. по: Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 1. М.: МИФ, 1993. С. 180.

¹³ Цит. по: Мартынов А. С. Конфуцианская утопия в древности и в средневековье // Китайские социальные утопии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1987. С. 50.

Древнегреческие философы видели основную добродетель в чувстве меры. Сократ, развивая эту мысль, «не уставал напоминать», что «чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам»¹⁴, а богатство и знатность «приносят лишь дурное»¹⁵.

Наиболее радикально настроенные личности вовсе отказывались от собственности и богатства. Диоген, живший в глиняной бочке, называл себя нищим странником, лишенным крова, города, отчизны, и гордился своей свободой от материальных благ.

В Древней Индии многие в поисках истины уходили в непроходимые леса и там предавались аскезе. Так и царевич Будда Гаутама оставил все — богатство, власть, семью — и нашел просветление. К уединенной аскетической жизни, даже без самого необходимого, стремились его последователи — буддийские монахи. Обрести духовные сокровища, отказавшись от земных, старались даосские отшельники и библейские пророки, Иоанн Креститель и, конечно, христианские подвижники. «Именно потому, что общество процветало, строило соборы и дворцы и накапливало богатства, монашество ощущало духовную необходимость претерпевать испытания. И чем труднее были испытания, тем лучше это считалось в духовном смысле», — эти слова прот. Иоанна Мейендорфа применимы к жаждущим истины подвижникам, принадлежащим к различным духовно-религиозным традициям¹⁶.

Полная нестяжательность рассматривалась многими из них как предварительное условие для вступления на путь совершенства. «Человек мудрости не накапливает. Отдавая другим, он умножает себе», — говорилось в древней китайской сакральной книге «Дао де дзин»¹⁷. Индийская традиция была более требовательной. «Мы можем наслаждаться миром, если не обременены отравой мирских богатств; мы владыки мира, если не таим какой-либо алчной мысли. Наши наслаждения в этом мире находятся в прямой пропорции к нашей бед-

¹⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 111.

¹⁵ Там же. С. 113.

¹⁶ Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 209.

¹⁷ Дао де дзин. Стих 81.

ности», — убеждали тексты древнеиндийских Упанишад¹⁸. И то же самое говорили христианские подвижники. По словам одного из основателей монашества в Европе св. Иоанна Кассиана (IV–V вв.), в борьбе со сребролюбием — «корнем всех зол» — окончательной победы «можно ожидать только тогда, когда совесть монаха не будет запятнана обладанием даже малейшей монетой»¹⁹.

Большинство людей избегали крайностей аскезы, но старались не впасть в грехи, связанные с излишним пристрастием к материальным благам. Какую бы религию или духовное учение мы ни взяли, везде осуждались корысть, жадность, скупость, сребролюбие, эгоизм и тяга к роскоши. Еще Гесиод, а за ним легендарные «семь мудрецов» — самые древние из древнегреческих философов (VII–VI вв. до н.э.) учили: «Не богатей дурными средствами» (Фалес)²⁰; «Лучше потеря, чем дурная прибыль: от одной горе на раз, от другой навсегда» (Хилон)²¹; «Остерегайся корысти — она мерзостна» (Периандр)²².

Во всех религиях духовные наставники призывали, чтобы никто не пользовался благами в ущерб ближнему, не посягал на его собственность, не крал, не воровал и не обманывал ближних ради собственного благополучия. Грабеж и воровство везде сурово карались не только как государственные, но и как религиозные преступления.

Зороастризм, который иногда называют религией праведного труда, предписывал, чтобы в ежедневной молитве верующий говорил: «Я отвергаю грабеж и угон скота, ущерб и разрушение домов поклонников Мазды». В буддизме монашеский дисциплинарный кодекс начинался с перечисления по степени значимости четырех самых важных запретов. Согласно второму из них человек должен воздерживаться от воровства даже простой травинки. А даосы размышляли о разрушении личности вора: «Силой отнимать у людей вещи — это болезнь»²³. Здо-

¹⁸ Радхакришнан С. Указ. соч. С. 180.

¹⁹ Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2. С. 49.

²⁰ Диоген Лаэртский. Указ. соч. С.74.

²¹ Там же. С. 84.

²² Там же. С. 94.

²³ Изложение ста болезней. Восхваление ста лекарств // Антология даосской философии... С. 353.

ровая личность «не присваивает себе благ ближних»²⁴. Учитывая, что духовное здоровье виделось залогом физического, которое, в свою очередь, считалось основой долголетия, при определенных условиях перерастающего в бессмертие, можно себе представить, насколько большое значение последователи даосизма придавали этим рекомендациям.

Для этики иудаизма свойственно уделять большее внимание поступкам, нежели мыслям. Однако запрет на воровство был тем редким исключением, который «подстраховывался» заповедью, обращенной к внутренней жизни души: «не желать» какого-либо чужого имущества, которым владеет ближний. Так, в иудаизме из десяти заповедей, полученных Моисеем от Бога, заповедь «не кради» дополнялась заповедью «не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего» (Втор. 5, 1; 9–21). При этом воровство толковалось предельно широко, как, например, подсовывание покупателю недоброкачественного товара или «кража» у людей тишины по ночам. «Кражей разума» раввины называли напрасные обещания, данные человеком, который и не думал их выполнять, но хотел казаться благородным.

Грабительством считалась также задержка платы работникам. «Кто задерживает плату наемника, нарушает пять запретов: “не обижай”, “не грабительствуй”, “плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра”, “в тот же день отдай плату его” и “чтобы солнце не зашло, ибо он беден”», — говорилось в трактатах Талмуда²⁵. Особой формой грабительства считалось ростовщичество. Закон запрещает его по отношению к евреям: «Если дашь деньги займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста» (Исх. 22, 25). Вместе с тем ростовщичество не запрещалось в отношениях с представителями других народов.

Ислам, так же как и иудаизм, исходит из неразрывного единства этики и религии. По законам Шариата верховное право на любое имущество принадлежит Богу. В этом контексте воровство и грабеж, относящиеся к категории запретных действий, которые влекут за собой

²⁴ Мудрецы Китая. СПб.: Петербург-XXI век, 1994. С. 192.

²⁵ Трактат Бава Мециа // Талмуд. Мишна и Тосефта / критический перевод Н. Пеперковича. Т. 2. (Книга 1 и 2). М.: Издатель Л. Городецкий, 2006. С. 133.

уголовную ответственность и кару на том свете, становятся разновидностями богоотступничества. Что касается ростовщичества, то Коран его категорически запрещает: «Те, которые жадны к лихве, воскреснут такими, какими воскреснут те, которых обезумил сатана своим прикосновением. Это будет им за то, что они говорят: “Лихва то же, что прибыль в торговле”. Но Бог позволил прибыль в торговле, а лихву запретил» (Коран 2, 275)²⁶.

Важно обратить внимание, что в христианской традиции, которая также безоговорочно осуждает воровство и грабеж, признается, что бывают обстоятельства, в которых человек, украв кусок хлеба, чтобы выжить, не совершает греха. Особенно подробно на эту тему рассуждали такие Отцы Церкви, как Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, а также средневековые схоласты. По их единодушному мнению, настоящими ворами являются те, кто, накопив богатство, не хотят поделиться с голодными.

Третий принцип устанавливал связь между праведным или неправедным отношением к материальным благам и участию в потусторонней жизни. Эта идея прослеживается в самых древних памятниках религиозной мысли. Так, например, в Древнем Египте в середине III тыс. до н.э., несмотря на полное господство магизма и идолопоклонства, был создан так называемый Мемфисский трактат, в котором мир и все сущее представлялось созданным мощью мысли и слова (логоса) единого Бога-Творца²⁷. Примерно в то же время у некоторых древнеегипетских жрецов возникла идея о том, что человек создан «по образу» Бога как Его «подобие»²⁸, которая стала позже основополагающей в библейской антропологии. Важно, что они видели в Боге не только Творца, но и Верховного Собственника и Подателя всех благ. Эта идея

²⁶ Журавский А. Ислам. М.: Весь мир, 2004. С. 68. Автор этой книги отмечает, что новейшие разработки мусульманских специалистов осуждают взимание процентов с одолженного капитала, трактуя это как эксплуатацию человека человеком, но разрешают вкладывать деньги в банки, получая с них проценты. Таким образом, эксплуатация самого капитала уже не рассматривается как ростовщичество. Кроме того, издавна прибежали и к таким «уловкам», как «двойная покупка» или «двойная продажа». Подразумевалось, что ростовщик не предоставлял заем, а оформлял договор купли-продажи.

²⁷ См.: Тураев Б.А. Египетская литература. СПб.: Летний сад, 2000. С. 44.

²⁸ Именно так называют человека Тексты Саркофагов XXV–XVII вв. до н.э.

была унаследована и развита всеми монотеистическими религиями — иудаизмом, христианством и исламом, став одним из главных столпов их социальной этики. (Отметим, что и понятие «бедные Господа», близкое по значению к евангельским «нищим духом», также имеет древнеегипетское происхождение.)

Блаженства в потустороннем мире по древнеегипетским представлениям достигал лишь добрый и щедрый, кто, как говорилось в «Книге мертвых», «не был виновником бедности нищих», но «давал хлеб голодному, воду жаждущему, одяние — нагому»²⁹. Равнодушных богачей, напротив, ожидали посмертные муки.

Подобные идеи о посмертном воздаянии развивались и в других религиозных традициях. Так, например, у Зороастра также проводилась мысль о том, что сильные мира сего попадут в ад, если они будут поступать несправедливо, притеснять бедняков и равнодушно пройдут мимо нуждающихся.

Библейские пророки сурово обличали таких богачей, которые обманными путями, как говорил пророк Иеремия, «возвысились и разбогатели, сделались тучны, жирны, переступили даже всякую меру во зле, благоденствуют и справедливому делу нищих не дают суда. Неужели Я не накажу за это? говорит Господь» (Иер. 5, 27–29). Пророк Софония вообще считал всякого богача нечестивцем, предупреждая: «истреблены будут обремененные серебром» (Соф. 1, 11).

Напротив, благотворительность помогала обрести потустороннее блаженство. Ее также можно считать важнейшим нравственным принципом, который содержался во всех духовно-религиозных учениях мира.

Так, например, в брахманизме и джайнизме благотворительность является в конечном итоге благодеянием по отношению к самому себе, поскольку единичность каждого человека — лишь иллюзия, а на самом деле существует только одна Мировая Сверх-Душа. В буддизме благотворительность, прежде всего по отношению монахам, обеспечивала хорошую карму в следующих рожденьях. Будда начинал многие свои проповеди с восхваления религиозных заслуг, приобретаемых раздачей

²⁹ Древнеегипетская «Книга Мертвых» / перев. с древнеегип., введение и коммент. М.А. Чегодаева. URL: <http://pstgu.ru/download/1180370552.mertvyh.pdf>.

милостыни. (Хотя бедствия нищих воспринимались во многом как заслуженное ими самими наказание за грехи в прошлых жизнях.)

В китайских учениях благотворительность связывалась с душевным здоровьем, которое обеспечивает здоровье телесное и которое, по идее, должно обеспечить не просто долголетие, а бесконечную жизнь, т.е. бессмертие. Предписывались такие целительные средства:

Быть милостивым по отношению к бедным
и помогать просящим подаяние — это лекарство.
Тайной добродетелью творить милосердие — это лекарство.
Делая добро, не надеяться на воздаяние — это лекарство.
Стремиться поделиться с обездоленным — это лекарство.
Имея богатство, быть милосердным — это лекарство³⁰.

В монотеистических религиях (иудаизме, христианстве и исламе) благотворительность становится важнейшей заповедью, равной, как сказано в Талмуде, всем остальным заповедям вместе взятым. В Ветхом Завете от имени Всевышнего говорится: «Не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей пред нищим братом твоим» (Втор. 15, 7).

В христианстве принцип благотворительности простирается еще дальше. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут», — говорит в Нагорной проповеди Иисус (Мф 5, 7). Благотворительность понимается как проявление любви к Богу и людям, причем не только к «ближнему», но и к «врагу». В отличие от иудаизма, где благотворительность служила важным доказательством благочестия и часто совершалась на людях, христианство признает ее «тайным делом». Иисус призывает «не творить милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы люди видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного» (Мф 6, 1–4). Если добрые дела совершаются, например, ради славы, то они ничего не стоят. В этом отношении христианство резко расходится с иудаизмом, для которого важнее то, *что* реально делается, а не с каким внутренним побуждением это делается. Как в ветхозаветном, так и особенно современном иудаизме стремление человека к славе не осуждается, когда это заставляет его поступать хорошо, что широко используется благотворительными организациями.

³⁰ Изложение ста болезней. Восхваление ста лекарств... С. 361.

Отметим, что и даосизм и буддизм, так же как и христианство, отвергают показную благотворительность.

Ислам подходит к благотворительности иначе, разделяя ее на обязательную («закят») и добровольную, которую человек творит по велению сердца. Только те, «кто оградил себя от скупости души, — они поистине, восторжествуют», — говорится в Коране³¹.

Отметим, что идея обязательной благотворительности, своего рода «налога» на имущество, заключается в том, что с ее помощью «очищается» собственность и богатство плательщика. Коран уподобляет «закят» также ссуде, выдаваемой Богу, за которую он оплатит сторицей. Кроме того, считается, что первый признак любви мусульманина к Богу выражается в помощи нуждающимся, стремлении делиться имуществом, т.е. в желании преодолеть собственный эгоизм.

Таким образом, можно сказать, что невзирая на огромные различия в культуре и быте народов, в их представлениях о высших силах и постулатах веры, повсюду обнаруживается принципиальное совпадение основных нравственных принципов социальной этики и ориентация, выраженная с той или иной степенью интенсивности, на приоритет духовных ценностей над материальными.

2. Библия о бедности и богатстве

Все христианское богословие основывается на Библии, в которой тема бедности и богатства занимает важное место. Вместе с тем Ветхий и Новый Заветы по-разному подходят к ней, хотя многое и совпадает. Христианские исповедания — православие, католицизм и протестантизм, возникший из лона католической церкви в XVI в., — в свою очередь, делают различный акцент на тех или иных библейских книгах. Если православие и католицизм, отдавая должное ветхозаветным текстам, опираются в основном на Новый Завет, то в протестантизме, особенно его кальвинистском варианте, наиболее востребованным оказался Ветхий Завет. Это во многом определило различия в отношении к бедности и богатству в христианских исповеданиях.

³¹ Коран 59, 9 // Коран. Переводы смыслов / пер. В. Пороховой. М.: Совместное предприятие «Бук Чембэр Интернэшнл», 1991. С. 219.

Ветхий Завет

В Ветхом Завете собственность и богатство рассматриваются в общей системе религиозно-этических установлений, которые воспринимаются как веления Всевышнего, в которых выражены *Ego* воля и *Ego* призыв к человеку. Главное в ней — любовь к Богу и ближнему, под которым подразумевался собрат, принадлежащий к еврейскому «избранному народу». Среди важнейших положений социально-экономической этики Ветхого Завета можно отметить следующие.

Заповедь труда, которую человек получил еще в райский период, предназначена для всех людей, и только трудом «в поте лица» человек может достичь «праведного» благосостояния. Согласно талмудической традиции в самой человеческой природе заложено отвращение к даровому благосостоянию. Собственность может быть только трудовой. «Хлебом позора» называли еврейские мудрецы неправедное богатство.

После грехопадения труд, сохраняя первоначальное значение как «со-трудничества» с Богом по совершенствованию мира и его одухотворению, наполняется новым дополнительным смыслом тяжкого бремени, связанного с необходимостью физического выживания. Возникает процесс хозяйствования, а с ним и проблемы, связанные с собственностью и социальным неравенством. При этом библейские тексты не осуждают хозяйственный расчет и умение организовать экономическую жизнь, если они не идут вразрез с братолюбием.

С самого первого дня исхода евреев из египетского рабства требования Бога были направлены на искоренение в них жадности, накопительства и эгоизма³². Кроме того, Богом была дана заповедь о регулярном освобождении рабов из соплеменников. Ни один человек из «избранного народа» не должен был находиться вечно в рабском состоянии.

Многие ветхозаветные установления были направлены на то, чтобы не было бедности. Для этого предусматривались меры по созданию

³² Показательны в этом отношении Божественные установления по собиранию манны — «небесного хлеба». Они предписывали, чтобы каждый добывал «хлеб насущный» и никто не предавался праздности, эксплуатируя других; собирал манну каждый день, кроме субботы, причем ровно столько, сколько можно было бы съесть, ничего не оставляя про запас; все делились друг с другом избытком, чтобы у кого-нибудь не было недостатка.

равных «стартовых» возможностей для всех без исключения членов еврейского общества; осуществлению справедливого правосудия; защите слабых и неимущих, которых, как считалось, берет под свое особое покровительство Сам Господь Бог; социальной ответственности богатых, которые должны были делиться с бедными (в том числе закон о «второй десятине»); защите прав трудящихся и соблюдению должно-го уважении к ним. Субботний отдых был обязателен для всех членов общества, включая рабов из иноплеменников.

С ним связаны установления о «субботнем» (каждом седьмом) и «юбилейном» (каждом пятидесятом) годе, когда рабы из евреев становились свободными. При этом они должны были получить все необходимое для обзаведения собственным хозяйством и начала самостоятельной жизни: «Если купишь раба еврея, пусть он работает тебе шесть лет, а в седьмой год пусть выйдет на волю даром» (Исх. 21, 2); «когда будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего: дай ему, чем благословил тебя Господь, Бог твой» (Втор. 15, 12–14)³³. Также в седьмой год всякий заимодавец должен был простить своего должника. (К иноплеменным, как указывает Тора, это не относилось.)

В юбилейный год должно было восстанавливаться имущественное равенство, поскольку все члены еврейского общества мыслились временными «арендаторами» принадлежащей Богу земли. Господь признавался Верховным Собственником земли в самом прямом смысле. Земля принадлежит Богу, а потому ее нельзя продавать навсегда. «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Лев. 25, 23).

Бог предстает как защитник обездоленных, лишенных человеческой защиты и помощи. «Тебе предается бедный; сироте Ты помощник» (Пс. 9, 35); «Ради страданий нищих и воздыхания бедных ныне восстану, говорит Господь, поставлю в безопасность того, кого уловить хотяют» (Пс. 11, 6). В Псалмах выражена уверенность, что все нищие и страждущие найдут защиту в Боге, что он даст им все необходимое в жизни, «ибо Он не презрел и не пренебрег скорби страждущего, не скрыл от него лица Своего, но услышал его» (Пс. 21, 25).

³³ В рабы мог продать себя обедневший еврей за неуплату долга (Лев. 25, 39); вор или оказавшийся не в состоянии заплатить за похищенное (Исх. 22, 3).

Богатые нечестивцы, наживающиеся за счет ближних, не только порицаются, но и проклинаются. Так, во многих текстах Ветхого Завета прослеживается мысль о том, что несправедливое богатство по степени греховности приближается к самому страшному — идолопоклонству.

Усилия по накоплению богатства трудолюбием, бережливостью, рачительным хозяйствованием приветствуются и полагаются одной из достойных целей человеческой жизни. Как говорил премудрый Соломон: «Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает» (Прит. 10, 4).

Бог благословляет праведников уже в этой жизни, даруя богатство и всевозможные другие блага. Так, в книге Притчей Соломоновых проводится мысль о том, что «праведнику воздается на земле» (Прит. 12, 31). Также и по словам псаломщика, «Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди его. Обилие и богатство в доме его, и правда его пребывает вовек» (Пс. 111, 1–3). Идея о том, что «Праведник ест до сытости, а чрево беззаконных терпит лишения» (Прит. 13, 26) соответствовала ветхозаветному представлению о справедливости. Вместе с тем многие библейские книги, как, например, книга Иова, повествуют о страданиях праведника, который в конце концов все же вознаграждается и доживает остаток дней в благоденствии.

Таким образом, в ветхозаветных книгах прослеживается мысль о том, что от Бога можно ожидать воздаяния за праведность уже в этой земной жизни, хотя это и не всегда случается.

Теперь посмотрим, как подходил к проблеме богатства и бедности Новый Завет, который во многом резко контрастировал с ветхозаветными книгами, несмотря на то, что в них содержались практически все нравственные установления, составившие каркас социальной этики христианства.

Новый Завет

В отличие от Ветхого Завета с его законодательно оформленным нравственным кодексом Новый Завет не дает прямых предписаний на все случаи жизни, но ориентируется на заповедь любви к Богу и ближнему.

По оценке католических теологов, с которой, как думается, могут согласиться православные и протестантские богословы, «Иисус подытоживает все Откровение, когда велит верующему в Бога богатеть

(ср. Лк 12, 21). Экономика содействует тому же, если не перестает быть инструментом, служащим целостному росту человека и общества, росту качества жизни»³⁴.

Вся земная жизнь Иисуса Христа может рассматриваться как нравственное учение. Здесь важен в первую очередь так называемый кенозис Спасителя, социальный контекст которого выражен в словах апостола Павла: «Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы и вы обогатились Его нищетою» (2 Кор. 8, 9)³⁵. Уже в этом содержится главное отличие Нового Завета от Ветхого: идея вознаграждения праведника богатством в этой жизни больше не действует.

С этим связан и образ Царствия Божьего как перевернутого земного устройства. Здесь «первые» становятся «последними», а «последние» — «первыми». Те, кто служат другим, оказываются на более почетном месте, а те, кто господствовали на земле, оказываются лишены достоинства. То же относится к земному богатству и всякому благоденствию. «Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф 20, 27). «Больший из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф 23, 11–12).

В этой «обратной перспективе» евангельские тексты о богатстве и о земных благах приобретают новый смысл. Их можно сгруппировать по нескольким основным темам.

Первая тема: «Не любите мира, ни того, что в мире» (1 Ин. 2, 15).

Трагизм заключается в том, что цели и ценности, которым привержен наш мир, противоположны ценностям Царства Божьего. Евангелие заранее извещает людей, что вера во Христа и Его благую весть принесет вовсе не улучшение их земной судьбы и совсем не материальное

³⁴ Компендиум социального учения Церкви. Ватикан, 2006. С. 221.

³⁵ Этим апостол указывает в первую очередь на кенотическую «потерю» Божественного могущества при воплощении в человека, но вместе с тем дальнейший текст Послания указывает и на социальный смысл этого отрывка. В нем апостол призывает христиан помогать друг другу: богатые помогают бедным материально, а бедные богатым — духовно. «Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность, как написано: кто собрал много, не имел лишнего; а кто — мало, не имел недостатка (Исх. 16, 18)» (2 Кор. 8, 14–15).

благополучие. «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). Это означает, что необходимо сделать решительный выбор и отрешиться от желания получше устроиться в этом мире, «подстраховаться» от всевозможных бед собственностью и богатством.

Вторая тема: «О горнем помышляйте, а не о земном» (Кол. 3, 2).

Небесное здесь не просто противопоставляется земному. Оно предстает единственным достойным объектом заботы и помыслов. В этом ракурсе становится понятным призыв: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6, 19–21). Так Евангелие убеждает, что вечная жизнь и близость к Богу для человеческой души превыше всех земных благ.

Третья тема: «Трудно богатому войти в царствие Небесное» (Мф 19, 23).

Иисус считал обладание земными благами тяжелой опасностью для души. Речь идет о том, что нельзя одновременно стремиться к царству Божьему и копить богатство этого мира. Эта тема связана с осуждением привязанности к собственности, богатству. Поэтому богатые чаще всего осуждаются, поскольку даже самым лучшим из них трудно достичь внутренней свободы от своего имени и попечения о нем.

Вот знаменитая притча о богатом юноше. В Евангелии от Марка говорится даже о симпатии Иисуса к нему. И тем не менее юноша слышит: «пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровища на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест» (Мк 10, 21). Это, пожалуй, единственные слова в Евангелии, свидетельствующие о положительном отношении к богатому человеку.

У евангелиста Марка также уточняется, что трудно войти в царствие Божие не просто тем, кто обладает богатством, но «надеющимся на богатство» (Мк 10, 24). Это уточнение заслуживает особого внимания, так как в нем содержится своего рода квинтэссенция этических наставлений для всех и каждого. По сути, здесь утверждается необходимость полного доверия Богу, вере в Его милосердие и помощь, открытости Его воле. Только от воли Бога зависит в конечном счете жизнь и судьба человека.

А вот притча о неразумном богаче, который мысленно представлял, с каким удовольствием он может жить многие годы. Но внезапно

пришел его смертный час, и он должен был предстать перед Богом. Здесь «богатение в Бога» бескомпромиссно противопоставлено накоплению земных богатств. Отсюда призыв: «Продавайте имущества ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе вместилища неветшающие, сокровище, неоскудевающее на небесах» (Лк 12, 33).

Это дополняется идеей о том, что благополучие на этой земле может обернуться страданиями в мире ином. Этому посвящена притча о богаче и нищем Лазаре. Мучаясь в аду, богач, пренебрегавший на земле нищим Лазарем, обращается к Аврааму с просьбой о помощи. Авраам отвечает: «ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он утешается, а ты страдаешь» (Лк 16, 25).

В Посланиях апостолов обличение богачей становится более резким и бескомпромиссным. «Сынами проклятия» называет неправедных богачей апостол Петр. Они получают «возмездие за беззаконие», ибо «сердце их приучено к любостяжанию» (2 Петр 2, 13–14). А оно есть не что иное, как идолослужение.

Четвертая тема: «Блаженны нищие» (Лк 6, 20).

Различные комментарии дают более 20 вариантов переводов этого выражения: нищие, нищие духом, смиренные, принявшие на себя добровольную бедность, духовно бедные, бедные грешники, бедные души, бедные дети, люди, занимающие низкое общественное положение, притесняемые, униженные, жалкие, несчастные, нуждающиеся в помощи, благочестивые и т.д. Часто это выражение относится также и к тем людям, которые бедны в материальном смысле, но чувствуют себя довольными, поскольку имеют духовное богатство или наоборот, к тем богатым, которые внутренне свободны от своего земного богатства. В Евангелии, видимо, речь шла и о бедных в экономическом смысле, и таких «нищих», отличительным свойством которых было религиозное смирение и открытость Богу. В Посланиях апостолов бедность еще более возвеличивается: «Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое он обещал любящим его?» (Иак. 2, 5)

Таким образом, Новый Завет ставит вопрос о собственности и богатстве иначе, чем Ветхий, подчеркивая опасности и соблазны, которые таит в себе обладание материальными благами и их изобилие.

Пятая тема: благотворительность как проявление любви к ближним.

Благотворительность понимается в Новом Завете, как и в Ветхом, единственно правильным способом распорядиться богатством. В этом отношении новозаветные тексты продолжают идеи, которые содержались уже в Ветхом Завете. Но есть и отличия. Так, благотворительность предписывается не только по отношению к «ближнему», под которым понимается каждый оказавшийся рядом, но и к «врагу». Иисус говорит о всеобъемлющей любви, которая побеждает зло и распри, а потому — «благотворите ненавидящим вас». А «если будете любить любящих вас, то какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5, 46–48).

Таким образом, в Новом Завете Иисус отождествляет Себя с бедными и нищими, терпя, как и они, унижения и страдания. Поэтому в отличие от Ветхого Завета, который часто видел в богатстве благословение Божие, Новый Завет более склонен видеть в нем тяжкое искушение, затрудняющее человеку войти в Царствие Божие, а в добровольной бедности состояние, которое может духовно возвысить личность, свободную от привязанностей к материальным благам.

Исходя из этого, в раннехристианских общинах практиковалось обобществление имущества. Речь шла, конечно, о добровольных пожертвованиях, но никак не о принудительном перераспределении. «Общение имущества должно быть понимаемо как порождение того духа любви, которым отличалось общение между верующими», — справедливо отмечал еп. Кассиан (Безобразов), обращая внимание, что «естественным его последствием было общее оскудение»³⁶. Постепенно христиане возвращались к обычному образу жизни, а обобществление имущества сохранилось лишь в монашестве.

В этой связи перед продолжателями апостольской традиции — отцами и учителями церкви встал вопрос о духовно-нравственных ориентирах социально-экономической жизни христиан. И в течение нескольких первых столетий христианской истории, и особенно в IV–V вв., которые обычно называют «золотым веком» святоотеческой письменности, были не только сформулированы основные церковные догматы, но и заложены основы социального учения, в котором важное место занимала проблема собственности и богатства.

³⁶ Епископ *Кассиан* (Безобразов). Христос и первое христианское поколение. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский Институт; Русский путь, 2001. С. 179.

3. Отцы и учителя христианской церкви: два подхода к вопросу о богатстве

На протяжении первых 10 веков своей истории христианская церковь была единой, хотя и постоянно боролась с многочисленными ересями и сектами. Ее разделение на восточную (православную) и западную (католическую) произошло в середине XI в., когда духовные власти Византии и Рима противопоставили себя друг другу. Поэтому в основе православного и католического социального учения лежит общее святоотеческое наследие. (Хотя православные и католики отдают предпочтение различным отцам и учителям церкви этой эпохи.)

Первый, наиболее ранний период развития социальной мысли неразделенной церкви относится к I–III вв., когда христианство пережило гонения, а основные догматы еще не получили окончательного оформления. Второй период начался с эпохи императора Константина (306–337 гг.). Церковь превратилась из преследуемой сначала в терпимую, а затем и господствующую. С этого же времени получило развитие монашество, радикальные взгляды которого на собственность и богатство сыграли большую роль в формировании отношения христиан к материальным благам.

Особенность первых веков христианства заключалась в совершенно особом, крайне интенсивном эсхатологическом чувстве: верующие со дня на день ожидали Второго Пришествия Спасителя. Это определило характер социально-экономических воззрений христиан этой эпохи: перед лицом скорого конца света все земные дела и ценности теряли смысл. Этим отчасти объясняется и практика обобществления собственности раннехристианских общин. Однако с течением времени острота эсхатологического чувства притуплялась, и верующие приспособивались к обычной экономической жизни. В этих условиях вопрос о собственности и богатстве приобрел новый смысл.

В писаниях ранних отцов и учителей церкви (их называют мужами апостольскими и апологетами³⁷) основные идеи относительно

³⁷ «Мужья апостольские» — так стали называть в богословской науке с XVII в. учеников самих апостолов или учеников их учеников. Они жили в конце I — начале II вв. К мужьям апостольским относятся два ученика апостола Иоанна — св. Игнатий Богоносец и св. Поликарп Смирнский, а также св. Климент Римский; Папий; Ерм — автор апокалипсического сочинения «Пастырь», который многими признавался за ученика

собственности и богатства во многом совпадали с универсальными принципами, выработанными человечеством. Особенность, пожалуй, больше заключалась в расстановке акцентов.

Во-первых, всячески подчеркивалась роль Бога как Верховного Собственника и связанное с этим всеобщее предназначение благ. Так, например, Климент Александрийский, считающийся основоположником социального учения западного христианства, в своем произведении «Педагог» говорил: «Бог создал человечество для братского общения..., *все доставляя всем, даровав в общее достояние для всех*. Все, следовательно, должно быть общим, и богатые не должны желать более иметь, чем другие... Это не в порядке вещей, чтоб один в изобилии жил, тогда как многие терпят нужду»³⁸. Тертуллиан доводит эту идею до формулы: «И то, что кажется нашим, на самом деле чужое..., поскольку всё — Божье»³⁹. Таким образом, никто не должен эгоистически пользоваться избытком благ в ущерб ближнему или стремиться завладеть всеми благами.

При этом многие раннехристианские авторы обращали внимание на ответственность просящих: «Берущие отдадут отчет Богу, почему и на что брали. Берущие по нужде не будут осуждены, а берущие притворно подвергнутся суду. Дающий же не будет виноват, ибо он исполнил служение, какое получил от Бога, не разбирая, кому дать и кому не давать, и исполнил с похвалою пред Богом»⁴⁰. Так и «Учение

апостола Павла; неизвестный автор «Учения двенадцати апостолов»). Писания мужей апостольских пользовались большой популярностью и авторитетом. До определения новозаветного канона в IV в. они воспринимались как неотъемлемая часть Евангелия. В II–III вв. на смену мужам апостольским приходят так называемые апологеты, которые выступили в роли адвокатов христианства перед лицом враждебного ему мира. Основная цель их писаний заключалась в защите христианства от гонений со стороны властей и критики со стороны языческих писателей, иудейских законников, а также представителей различных философских школ. (К апологетам относятся такие выдающиеся мыслители раннехристианской эпохи, как Кодрат, св. Иустин Мученик, Тагиан, Афинагор, Феофил Антиохийский, Минуций Феликс, св. Иринея Лионский, Тертуллиан, св. Климент Александрийский и Ориген.)

³⁸ *Климент Александрийский*. Педагог. М.: Учебно-информационный екуменический центр ап. Павла, 1996. С. 208.

³⁹ *Тертуллиан*. Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1994. С. 290.

⁴⁰ *Ерм. Пастырь* // Ранние отцы Церкви. Антология. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. С. 187.

двенадцати апостолов» возлагает ответственность на того, кто просит: «Увы берущему: если берет кто, имея нужду, он будет неповинен, но не имеющий нужды даст ответ, зачем и для чего он взял»⁴¹.

В целом ряде сочинений мужей апостольских и апологетов содержится идея гармонического сосуществования и взаимопомощи богатых и бедных. Причем не только богатый может помочь бедному, но и бедный помогает богатому: «...богатый имеет много сокровищ, но беден для Господа; ...но когда богатый подает бедному, то бедный молит Господа за богатого, и Бог подает богатому все блага; потому что бедный богат в молитве, и молитва его имеет великую силу пред Господом»⁴².

Во-вторых, противопоставление духовных и материальных благ доведено до крайности. «Истинная твоя, твоя славная, неотъемлемая собственность — это вера в Бога и благотворительное человеколюбие»⁴³. Земные сокровища — путы на ногах христианина. Один из известных раннехристианских авторов Минуций Феликс писал: «Мы владем всем, коль скоро ничего не желаем. Как путешественнику тем удобнее идти, чем меньше он имеет за собою груза, так точно на этом жизненном пути блаженнее человек, который облегчает себя посредством бедности и не задыхается от тяжести богатств»⁴⁴. Поэтому, если христианин происходит, например, из богатой семьи, он должен избавиться от собственности, раздав ее неимущим, чтобы обрести спасение. В мистических видениях Ерма ангел говорит о таких верующих: «Должно обсесть у них блага настоящего века и суетное богатство, и только тогда они будут годны в Царствии Божьем»⁴⁵.

Таким образом, возникает вопрос — всегда ли богатство портит человека? Могут ли быть праведными богачи? И предполагает ли это добродетельность бедности?

В конечном итоге это вопрос о приоритетах, который можно сформулировать следующим образом: что важнее — качества человеческой личности или внешние обстоятельства, принадлежность к тому или

⁴¹ Учение двенадцати апостолов // Ранние отцы Церкви... С. 19.

⁴² *Ерм.* Указ. соч. С. 207–208.

⁴³ *Климент Александрийский.* Указ. соч. С. 143.

⁴⁴ *Минуций Феликс.* Октавий // Ранние отцы Церкви... С. 586.

⁴⁵ *Ерм.* Указ. соч. С. 248.

иному социальному классу? У раннехристианских авторов нет единого мнения по этому поводу.

В целом можно выделить два подхода, прямо противоположных друг другу, в диапазоне которых и варьируются их суждения по этим вопросам.

Первый подход признает всякое богатство порочным. Бедность, напротив, всегда добродетельна и является знаком близости к Богу. Наиболее последовательно такой позиции придерживался Тертуллиан. Он был убежден, что «...Если Царство Божье не принадлежит богатым, то бедные неминуемо должны иметь его своим уделом»⁴⁶. Эту позицию разделяли многие, отождествляя богатство и богатых.

Сторонники *второго подхода* признавали собственность и богатство нравственно нейтральными. От самого человека зависит, будет ли богатство «добром» или «злом». Что касается бедности, то она также может быть как добродетельной, так и порочной. Наиболее последовательно этот подход развивал св. Климент Александрийский. «Не бедность вообще ради нее самой благословляет Господь, а ту бедность, что пренебрегает мирскими сокровищами из-за любви к правде, и ту, которая пренебрегает мирскими почестями, чтобы приобрести сокровище истинное», — разъяснял он⁴⁷. Бесчисленные заботы, отвлекающие от высших ценностей, порождают не только богатство, но и бедность. Выступая за «средний путь», под которым подразумевал обладание необходимым, а не излишним, он считал обязанностью церкви воспитывать разумное и ответственное пользование собственностью, «умеренный образ жизни, свободный от обеих крайностей — как от роскоши, так и от скряжничества»⁴⁸.

На следующем этапе развития христианского богословия (IV–VII вв.), когда христианство стало государственной религией, социальная мысль стала развиваться по-своему у греческих и латинских отцов церкви. Особое направление составляли основоположники монашеско-аскетической литературы, которые отличались своим отношением к мирским благам.

⁴⁶ Тертуллиан. Избр. соч. ... С. 343.

⁴⁷ Климент Александрийский. Строматы // Отцы и Учителя Церкви III в. Антология / сост. И. Алфеев. Т. 1. М.: Либрис, 1996. С. 200.

⁴⁸ Там же.

Из греческих отцов выделялись великие «каппадокийцы» (IV в.): святители Василий Великий, Григорий Богослов⁴⁹ и Григорий Нисский, которых соединяли узы родства и дружбы. Они не только подняли христианскую мысль на новую высоту, сформулировав ряд основополагающих церковных догматов, но и сыграли важную роль в формировании новых подходов к социальной тематике. При этом каждый из них был вынужден решить вопросы, связанные с собственностью и богатством, не только в теории, но и в своей практической жизни, поскольку все они происходили из аристократических семей и были теми «богатыми», перед которыми вопрос об «имении» встал со всей остротой.

По мнению Григория Богослова, само по себе богатство — нейтральная категория (если, конечно, оно добыто не разбоем и обманом, а праведными трудами или досталось по наследству). Но и оно не стоит того, чтобы занимать все время и силы. Даже если все складывается благополучно и человек богатеет своим умением и прилежанием, всевозможные заботы уничтожают радость обладания: «Война, возделывание земли, труд, разбойники, приобретение имущества, описи имений, сборщики податей, ходатаи по делам, записи, судьи — все это еще детские игрушки в многотрудной жизни»⁵⁰. Поэтому «...Для людей одно только благо, и благо прочное — это небесные надежды»⁵¹. Впрочем, и нищета — «сугубое зло». Идеальное состояние — иметь необходимое и достаточное, но не излишнее, и «не подражать кровожадной пиявке, чтобы, одним владея, устремлять очи на другое»⁵². Поэтому у богатого христианина есть две возможности: или вовсе раздать все имущество бедным, или сохранить его, но щедро благотворить.

Причем Григорий Богослов и Григорий Нисский были убеждены, что дающего и берущего должны связывать отношения личной дружбы и взаимного уважения. «Кто вступил в общение с нищим, тот поставил

⁴⁹ Святителями в православной традиции называются святые епископы. Святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст почитаются как вселенские учителя. Им посвящен особый праздник, который празднуется 30 января по юлианскому календарю.

⁵⁰ *Григорий Богослов. Собр. творений: в 2 т. Т. 2.* Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 56–57.

⁵¹ Там же. С. 58.

⁵² Там же. С. 264.

себя в единую часть с Христом, обнищавшим ради нас»⁵³. Они долго не могли понять и принять новаторских инициатив Василия Великого по созданию системы организованной благотворительности (устроение лепрозория, организация города-приюта для беднейших членов общества и других учреждений), при которой многие благотворители оставались анонимными и не входили в прямой контакт с нуждающимися. По словам известного патролога И.В. Попова, Василий Великий был убежденным «противником частной благотворительности и безрассудной жалости, готовой помогать всякому просящему без разбора»⁵⁴. В то же время из трех каппадокийцев Василий Великий был наиболее радикален в своих социальных воззрениях. Кто любит ближнего как самого себя, тот не имеет ничего лишнего, — полагал он. Чем больше у человека богатства, тем меньше у него любви. Вместе с тем он не идеализировал всякую бедность: «Нищие духом — это не бедные имуществом, но избравшие нищету от сердца»⁵⁵.

Помимо каппадокийцев не менее категоричен в осуждении богатства был константинопольский патриарх Иоанн Златоуст (IV в.) — известнейший проповедник и церковный пастырь, творческое наследие которого оказало определяющее влияние на русское православное богословие в целом и социальные взгляды в частности. Резко противопоставляя земную и вечную жизнь, святитель Иоанн призывал не только «тленные блага», но и саму «эту» жизнь не ставить ни во что. «Добродетель состоит в том, чтобы по отношению к вещам этой жизни быть как бы мертвым, ...но жить и действовать только для духовного»⁵⁶. В смерти он видел долгожданное избавление от страданий и зла, в которые погружен мир.

Такой ригоризм вел к порицанию всякого богатства и всякого богача. «Где богатство, там и хищничество», — говорил Златоуст. Ри-

⁵³ Григорий Нисский. О блаженствах. М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 1997. С. 19.

⁵⁴ Христианство. Энциклопедический словарь. М.: БСЭ, 1993. Т. 1. С. 341.

⁵⁵ Василий Великий. Беседа на Псалом тридцать третий // Творения иже во святых Отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. I. Беседы на шестоднев. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1991. С. 294.

⁵⁶ Иоанн Златоуст. Беседы на книгу Бытия. Т. 1. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. С. 66.

торически вопрошая: кто из двух равно согрешивших блудодеев — богатый и бедный — имеет больше надежд на спасение? Разумеется, бедный, — отвечает он, отмечая все сомнения.

При этом святитель Иоанн вовсе не игнорировал внутреннюю мотивацию верующего. Он ставил в пример тех, кто хотя и живет в бедности, не завидует богатым, «ибо тот и благоденствует более всех, кто не нуждается в чужом, а с любовью довольствуется своим»⁵⁷.

К частной собственности он относился с большим подозрением. Там, где есть «мое» и «твое», — «там все виды вражды и источник ссор, а где нет этого, там безопасно обитает мир и согласие»⁵⁸. Как справедливо отмечал прот. Г. Флоровский, для Иоанна Златоуста «собственность — не установление Божье, а выдумка людей. Он был готов навязать всему миру суровую монашескую дисциплину нестяжания и послушания ради блага и спасения всех людей. По его мнению, отдельные монастыри должны существовать лишь до времени, чтобы однажды весь мир стал подобен монастырю»⁵⁹. И действительно, многие идеи Златоуста были восприняты и развиты в монашестве, прежде всего православном. В Византии монашество развивалось настолько быстро, что за несколько столетий она оказалась буквально покрыта монастырями. Многие исследователи отмечали, что изможденный постом и бдением аскет, отказавшийся от всех благ мира, считался идеальным христианином. С течением времени монахи стали во главе церковной иерархии, формируя отношение к различным социальным проблемам.

В аскетических наставлениях подвижников, излюбленном чтении как монахов, так и мирян, богатство неизменно осуждалось, а сребролюбие считалось «матерью всех зол». «Дух Евангелия — любовь, — говорил св. Иоанн Синайский (Лествичник) (VII в.). — Но кто имеет любовь, тот не убережет денег. Загадывающий ужиться с тем и другим, — с любовью и деньгами, — сам себя обманывает»⁶⁰. Также и прп. Нил Синайский, осуждая накопительство, подчеркивал, что настоящая не-

⁵⁷ Там же. С. 358.

⁵⁸ Там же. С. 358.

⁵⁹ *Флоровский Г.* Догмат и история. М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1998. С. 278.

⁶⁰ Там же.

стяжательность и обнищание из-за внешних обстоятельств — разные вещи. «Нестяжательностью называем мы не нищету невольную, которая, приключившись по необходимости, сокрушает дух и почитается несносною, но добровольную решимость довольствоваться малым, приобретаемую самовластием помысла»⁶¹.

Борясь против сребролюбия и стяжательства, святые подвижники советовали как можно чаще думать о краткости жизни. По слову св. Антония Великого (III–IV вв.), ищущий совершенства должен проникнуться «памятованием о смерти и неприязненным отвращением к миру и всему мирскому»⁶². И «никто из нас не должен питать в себе желания приобретать. Ибо какая выгода приобретать то, чего не возьмем с собою?»⁶³

Пожалуй, единственным из монахов-подвижников, кто говорил о возможности богатого стать праведником, был прп. Максим Исповедник (VII в.). Он был «отражением умственного характера» Византии, которую не мыслил без монашеского аскетизма. По его убеждению, главная задача каждого христианина состоит во внутреннем упорядочивании духовной жизни, обуздании страстей. Не сами по себе внешние условия, но внутренний нравственный выбор определяют добро и зло: «Не пища — зло, но чревоугодие; не материальные блага, а сребролюбие»⁶⁴.

Исходя из этого он выделял четыре типа накопителей богатства. К первым трем относятся неправедные любители «роскошествовать»; «тщеславные»; не доверяющие Богу, а надеющиеся на свое богатство на случай всевозможных неприятностей, — «голода, старости, болезни или изгнания». Но четвертый тип — «домовитые» — копят «правильно», «ибо заботятся о том, чтобы не оскудевала рука подавать каждому нуждающемуся»⁶⁵. Таким образом, единственным оправданием богатства становится щедрая благотворительность.

⁶¹ Флоровский Г. Догмат и история. С. 243.

⁶² Добролюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 1. С. 109.

⁶³ Там же. С. 18.

⁶⁴ Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 1. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский Институт; Издательство «Мартис», 1993. С. 121.

⁶⁵ Там же. С. 123.

Что касается латинских отцов эпохи неразделенной церкви, то особый вклад в развитие всего богословия и социальной мысли внесли св. Амвросий Медиоланский и Августин Блаженный.

Разделяя многие идеи восточных отцов христианской церкви, св. Амвросий говорил о взаимной помощи богатого и бедного, причем, по его мнению, благотворитель получает больше, чем отдает, поскольку «в день суда он получит спасение от Господа, которого он будет иметь должником своего милосердия»⁶⁶. Но призывал благотворить осмотрительно. А то «приходят работоспособные, не имеющие никакой нужды, кроме охоты к скитанию, и видом своих лохмотьев стараются склонить доверчивых благотворителей в пользу своей просьбы. Кто оказывает доверие таким людям, тот быстро истощает запасы, которые были бы так полезны настоящим беднякам»⁶⁷.

Благотворитель должен быть рационален, «чтобы его щедрость не оказалась бесполезной». Если жадность богача, который не желает делиться с ближним, «бесчеловечна», то излишняя щедрость — «расточительство». По его мнению, Бог не хочет, чтобы мы сразу отдали наше имущество, но чтобы раздавали его по частям, а еще лучше — сохраняли постоянную возможность благотворить. Во всем нужна мера.

В целом можно сказать, что св. Амвросий заложил основы западного подхода к богатству и собственности, главными принципами выдвинув разумность, скромность и умеренность. Богатство и собственность при таком подходе обретали новое значение, становясь орудием добродетели и средством улучшения общего состояния общества. Он также впервые обозначил идею о человеческом достоинстве и образ жизни, который этому достоинству соответствует. Эта идея пройдет красной нитью через всю историю западного богословия, найдя свое окончательное развитие в католическом социальном учении XX в.

Августин Блаженный исходил из традиционного противопоставления земных, материальных благ духовным. В своем знаменитом произведении «О граде Божием» он говорил о двух «градах» как различных модусах бытия. В качестве основного критерия, разделяющего жителей этих градов, выступает их отношение к материальным благам.

⁶⁶ Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. М.; Рига: Благовест, 1995. С. 59.

⁶⁷ Там же. С. 249.

Одни признают истинными только земные блага. Другие, избравшие «жизнь по Богу», ориентируются на блага духовные. Они воспринимают себя своего рода странниками на этой земле, а потому не привязываются к собственности и богатству.

До второго пришествия и конца мира (т.е. в нашей реальной истории) жители обоих градов одинаково подвержены бедствиям, бедности и нищете. Однако их реакции различны. «Ибо добрый ни временными благами не превозносится, ни временным злом не сокрушается; а злой потому и казнится этого рода несчастьем, что от счастья портится»⁶⁸.

Для Августина характерно разводить понятия грешника и греха, поскольку нужно «порок ненавидеть, а человека — любить»⁶⁹.

В целом можно заключить, что по многим позициям латинские отцы были единодушны с восточными. Все они говорили о Боге как Верховном Собственнике, а о человеке как «управителе» собственности, полученной от Всевышнего; об изначальном общем предназначении благ; о благотворительности как проявлении христианской любви; о материальной помощи богатых бедным и духовной помощи (молитве) бедных богатым. Но по некоторым вопросам, в том числе и социальной этики, восточное и западное христианство стали все больше расходиться. Противоречия стали нарастать после окончательного разделения единой христианской церкви на восточную (православную) и западную (католическую) в 1054 г. Рассмотрим, какие подходы к бедности и богатству развивало русское православие и чем они отличались от католических и протестантских.

4. Особенности православного подхода к бедности и богатству (Русская Православная Церковь)

Русская Православная Церковь (РПЦ) формировалась под глубоким воздействием византийского наследия. «Русь приняла крещение от Византии. И это сразу же, — отмечал прот. Г. Флоровский, — опре-

⁶⁸ *Августин Блаженный*. О граде Божиим. Книги XIV–XXII. СПб.: Алетей; Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1998. С. 13.

⁶⁹ Там же. С. 12.

делило ее историческую судьбу, ее культурно-исторический путь»⁷⁰. Вместе с «греческой верой» были восприняты сложившиеся к этому времени в Византии формы церковной жизни и каноническое право, литературная и эстетическая традиция, а также целый комплекс идей по устройству политико-государственной, хозяйственно-экономической и социально-правовой жизни.

Важной особенностью византийского религиозного типа была созерцательность и сосредоточение на высших, божественных сферах⁷¹. Поэтому проблемы, касающиеся земной человеческой жизни, традиционно оставались на заднем плане. Во всей богатой религиозной литературе Византии с ее выдающимися достижениями в области догматики и литургики практически нет ни одной работы, в которой давалась бы последовательная трактовка социальной этики. «Не предпринималось никаких попыток построить “мирскую” этику для человека вообще», — отмечает в этой связи известный православный богослов прот. Иоанн Мейендорф⁷².

Эта традиция, свойственная всему православию, была преодолена лишь в 2000 г., когда на Архиерейском Соборе РПЦ были приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Отметим, что другие православные церкви до сих пор не приступили к разработке своих социальных доктрин.

Показательно, что некоторые современные православные богословы (хотя и не принадлежащие к РПЦ) видят в создании социального учения отступление от чистоты православия. Так, иеромон. Григорий (В.М. Лурье) пишет: «Можно сколь угодно сетовать, будто Церковь “до сих пор” все не может разработать идеала христианской жизни или даже святости для “мирян” (то есть для людей, живущих мирскими ин-

⁷⁰ Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. С. 4.

⁷¹ Соответственно этому самым главным религиозным праздником в западном христианстве стало Рождество — начало человеческой жизни Богочеловека, а в восточном христианстве — Пасха, торжество Его Божественного начала. (Показательно в этом отношении и то, что отрывок из Евангелия от Иоанна «И Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин 1, 14) читается в Восточной Церкви на Пасху, а в Западной — на Рождество.)

⁷² Мейендорф И. Византийское богословие. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 320.

тересами) — но делом Церкви все равно будет оставаться следование за Христом и навстречу Христу *из* мира, а не погребение многочисленных мирских покойников (Мф 8, 22)»⁷³. Несмотря на крайнюю ригористичность подобного суждения, оно в определенной степени отражает общий православный настрой.

В отличие от византийской традиции, унаследованной русским православием, христианство на западе Империи всегда очень интересовалось земными практическими проблемами. Сначала латинские отцы церкви, прежде всего св. Амвросий Медиоланский и Августин Блаженный, а затем средневековые схоласты хорошо подготовили почву для создания в XIX–XX вв. целостной социальной доктрины. Начиная с энциклики Льва XIII «*Rerum Novarum*» (1891 г.) папством был осуществлен синтез святоотеческого наследия, теорий схоластики и достижений гуманитарных наук. Важной вехой в развитии социальной мысли на этом этапе, продолжающемся и в наши дни, стал Второй Ватиканский собор (1962–1965 гг.), который существенно изменил характер католицизма и по-новому взглянул на многие социальные проблемы. Важно отметить, что характерной чертой католической социальной этики является ее нацеленность на активное преобразование мира на христианских началах.

Интерес к социальной проблематике генетически передался и протестантизму. Показательно, что многие протестантские теологи конца XIX — начала XX в. в поисках выхода из ситуации вопиющего неравенства и страдания беднейших слоев общества прошли через серьезное увлечение социал-демократией. В ней, по выражению К. Барта, «нам дана притча о Царстве Божьем»⁷⁴. Оно, конечно, недостижимо на земле и наступит при Втором Пришествии, но «мы потому и верим в эволюции и революции, в реформы и обновление прежних связей, в возможность товарищества и братства на земле и под небесами, что ожидаем прихода совершенно иных вещей, а именно: нового неба и новой земли»⁷⁵.

⁷³ Лурье В. М. Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб.: Алетейя, 2000. С. 155.

⁷⁴ Барт К. Христианин в обществе // Путь. 1992. № 1. С. 206.

⁷⁵ Там же. С. 209.

Другой крупнейший протестантский мыслитель Р. Нибур еще более определенно говорил о том, что недостижимость идеала равенства не означает, что к нему не нужно стремиться. Напротив, этот идеал «подсказывает нам возможности реального добра в любой данной ситуации. Возможно, мы никогда не достигнем равенства, но мы не можем равнодушно принять несправедливости капитализма или любой другой несправедливой общественной системы»⁷⁶.

Таким образом, можно сказать, что православие имеет свои преимущества, однако в разработке социальных и экономических вопросов западное христианство ушло по сравнению с ним далеко вперед, создавая катехизисы и компендиумы, энциклики и другие многочисленные официальные церковные документы, а также море богословской литературы. Поэтому представляется целесообразным сопоставлять не тексты (из них только один — «Основы социальной концепции РПЦ» — можно признать официальной точкой зрения православной церкви на интересующую нас тему), а социально-психологические установки, которые определяют отношение к бедности и богатству. В православии их можно выявить, обратившись к житиям святых и пастырским наставлениям, письмам духовных лиц и их воспоминаниям, проповедям и богословским трудам.

Такие установки сохранялись на протяжении многих веков. Некоторые из них глубоко повлияли на восприятие земной жизни и ее благ, на логику восприятия богатства и бедности.

Во-первых, это особый эсхатологизм православия. Эсхатология как учение о «последних временах» и посмертной участи человека присуща в той или иной степени всем религиям, составляет их «жизненный нерв». Но в православии эсхатология это не отдельная часть вероучения, как в западном христианстве, но сама его атмосфера, воздух, которым оно дышит. Это предполагает раскрытие духовной жизни через аскетическое усилие, направленное к спасению души. Основной импульс здесь — приготовление к смерти и к новой вечной жизни с Богом уже за гранью земного существования.

В свое время великий византийский проповедник св. Иоанн Златоуст, особенно любимый и популярный на Руси, говорил: «Смерть —

⁷⁶ Нибур Р. Опыт интерпретации христианской этики // Избранные труды Ричарда Нибура и Рейнхольда Нибура. М.: Юрист, 1996. С. 459.

это рождение, только гораздо лучшее, так как душа... освобождается как бы из какой-то темницы»⁷⁷. Эта точка зрения, близкая, по сути, платонизму, была очень характерна для русского православного сознания, так же как и представление о том, что смерть несет счастье праведной душе. Так, по слову прп. Феофана Затворника (XVIII в.), «тот образ бытия выше нашего. Если бы вы попросили ее (душу) войти опять в тело, она ни за что бы ни согласилась»⁷⁸.

Заметим в этой связи, что до XIII в. и все западное богословие также находилось под влиянием христианизированного платонизма. «Вследствие этого крайний спиритуализм, крайняя духовность христианской мысли, пренебрежение телесным элементом являются характерными чертами средневековой философско-теологической мысли»⁷⁹. Лишь со времен св. Фомы Аквинского ситуация изменилась, и речь стала идти о духовно-телесном единстве человека. Сам св. Фома был убежден, что разлучение души и тела в смерти есть зло, и что душа будет тосковать по телу до соединения с ним при чаемом воскресении мертвых. Он придал новый импульс разработке собственно человеческих проблем, связанных с земной жизнью и ее улучшением.

В результате, во-первых, исчез идеал бедности, свойственный многим Отцам Церкви предшествующих эпох, и, во-вторых, связанный с ним принцип не заботиться о завтрашнем дне, соответствующий буквальному пониманию евангельских слов о птицах небесных и лилиях полевых (ср.: Мф 6, 24–34). Богатство, напротив, стало рассматриваться схоластами как угодное Богу состояние, а «беспечение» о завтрашнем дне сменилось императивом рационального ведения хозяйства, направленного на сохранение и преумножение материальных благ. Но не ради себя, а ради общего блага, чтобы иметь возможность благотворить со все большим размахом и, таким образом, вытащить из нужды и нищеты все большее количество людей.

⁷⁷ *Иоанн Златоуст*. О том, что не должно усиленно оплакивать умерших // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста: в 12 т. Т. 12. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 2004. С. 874.

⁷⁸ *Феофан Затворник*. Примеры записывания добрых мыслей, приходящих во время богомыслия и молитвы // Жития и творения русских святых. М.: Современник, 1993. С. 336.

⁷⁹ *Свежавски С.* Фома Аквинский, прочитанный заново. Сретенск: Межконфессиональный центр историко-философских исследований «Толедо», 2000. С. 25.

Православное же сознание оставалось всегда ориентированным на «сверхмирные, запредельные» ценности, пользуясь выражением С.Н. Булгакова⁸⁰. Это определяет отношение к *этому* миру, его ценностям и благам, притупляя чувство эмпирической земной действительности и ее непосредственных нужд, «подобно тому, как у человека, готовящегося к смерти, естественно пропадает вкус и интерес к обыденным делам и заботам и мысль сосредоточивается на неподвижном и вечном»⁸¹.

В итоге в православной традиции сложилось убеждение, что земную жизнь человек должен терпеливо пройти, смиренно снося все беды и несчастья. Очень показательны слова арх. Паисия Величковского (XVIII в.): «Краток путь сей, которым идем с телом. Дым, пар, перст, пепел, прах, смрад жизнь эта», и нужно «терпеть и любить лютые и жестокие скорби на этом свете»⁸². Ясно, что подобный подход не предполагает активного переустройства земного бытия, реформирования социальных отношений и смягчения противоречий между бедными и богатыми.

Католицизм вовсе не отрицал идею земной жизни как преустройства к жизни вечной, также полагая, что Бог «дал нам этот мир как место изгнания, а не как истинное наше отечество»⁸³. И в католическом социальном учении все социальные, экономические, политические и культурные достижения человечества всегда рассматриваются как относительные. При этом в отличие от православия католицизм ставил задачу совершенствования *этого* мира, прежде всего социальных отношений, на христианских началах, потому что ожидание Второго Пришествия должно быть активным, а не пассивным, поскольку пассивность чревата здесь ложно-смирненным отданием социальной реаль-

⁸⁰ Булгаков С. Апокалипсис Иоанна. М.: Православное братство трезвости «Отрада и утешение», 1991. С. 302.

⁸¹ Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 431.

⁸² Паисий Величковский. Крины сельные, или Цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного Писания. О заповедях Божиих и о святых добродетелях // Жития и творения русских святых... С. 252.

⁸³ Рерум Новарум (Rerum Novarum). Окружное послание Льва XIII. О положении трудящихся (1891) // 100 лет социального христианского учения. М.: Дом Марии, 1991. С. 11–12.

ности в руки темных сил⁸⁴. Речь идет о том, чтобы «предвосхитить уже в этом мире, в сфере межчеловеческих отношений то, что будет реальностью в мире окончательном»⁸⁵.

Однако с точки зрения православных, этот активизм означает не что иное, как «обмирщение» западных церквей. А все западное богословие определяется как «не-эсхатологическое», в чем видится его существенный недостаток⁸⁶.

Во-вторых, акцент православия на «внутренней» духовной работе, молитве и созерцании, а не «внешних» трудах и благополучии. Молитва не только признавалась высшей формой труда, но и непосредственным образом связывалась с обретением жизни вечной. Часто ее противопоставляли всем формам земного активизма. Отвлечение от молитвенного созерцания «делает ум праздным, не занятым делом спасения»⁸⁷. Более того: «Всякое помышление и забота, отвлекающая наш ум от молитвы, происходит от бесов. Желаящий спастись и угодить Богу пусть отвернется от всего земного и проживет как одна из птиц»⁸⁸.

В этой связи важно отметить, что содержание молитв в русских молитвословах значительно отличается от западных образцов. Все они представляют собой своего рода оду Богу, Богородице и святым и небесным силам, направлены на возвышение и очищение души молящегося. В них нет речи о земных делах. Конкретные прошения, конечно, возможны, но они остаются личным делом молящегося.

Напротив, католические молитвословы полны таких прошений. Социальная этика отражена в них в полном объеме. Характерны такие прошения ко Христу: «Научи нас узнавать Тебя во всех людях, особенно же в бедных и страждущих»; «Утешь тех, кто удручен усталостью и страданием, защити достоинство бедных и отверженных», «Воздай по

⁸⁴ Компендиум социального учения Церкви. Ватикан, 2004. С. 13.

⁸⁵ Там же. С. 51.

⁸⁶ Прежде всего предполагается, что западная эсхатология мыслит Царство Божие как нечто, связанное только с будущим. Православная же говорит о присутствии Царства Божия также «здесь и теперь», прежде всего в момент Евхаристии. См.: Шмеман А. Церковь и мир. Миссия. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский Институт, 1996. С. 96.

⁸⁷ Паисий Величковский. Указ. соч. С. 269.

⁸⁸ Там же. С. 264.

справедливости всем угнетенным повсюду в мире»; «Воодушеви падших духом и защити изгнанников» и проч.⁸⁹

Что касается храмовой молитвы, то она во все века объединяла молящихся различных социальных слоев, создавая атмосферу духовного братства. В.О. Ключевский писал: «При всем различии общественных положений древнерусские люди были по своему духовному облику очень похожи друг на друга... Все они твердили один и тот же катехизис, в положенное время одинаково легкомысленно грешили и с одинаковым страхом Божиим приступали к покаянию и причащению», и это устанавливало «между ними некоторое духовное согласие вопреки социальной розни»⁹⁰.

В храмовой молитве бедняки находили утешение, получали надежду на облегчение участи, а богатые пробуждались для дел милосердия и благотворительности. «Милостыня проходит красной чертой через все формулировки морального закона. Без милостыни нельзя представить себе русского пути спасения», — отмечал Г.П. Федотов⁹¹. Основной грех богатых и состоит в их черствости и немилосердии. Но и сама по себе привольная жизнь богача становится грехом рядом с горькой долей бедного Лазаря. Впрочем, не всякая милостыня спасает. «У тебя ведь именье несправедное», «Твоя казна не трудовая, / Твоя казна пороховая», — говорит смерть Анике-воину, отвергая его попытку спастись, раздав нажитое войной богатство. Поэтому, желая обрести спасение, милостыню нужно давать «Неукраденную, от праведного труда, / От потного лица, от желанного сердца»⁹².

В-третьих, православие всегда было ориентировано на монашеский идеал. Монашество издавна называли «равноангельским» бесплотным состоянием, к которому должны стремиться также и миряне⁹³. Так

⁸⁹ См.: Литургия часов. Четырехнедельная псалтырь. Основные праздники. Милано, Паолине, 1995.

⁹⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч.: в 8 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957. С. 360.

⁹¹ Федотов Г. П. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Гнозис, 1991. С. 88.

⁹² Там же. С. 89.

⁹³ Киево-печерский патерик. Киев, 1893 (Репринтное издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991). С. 90.

и в XVIII–XIX вв. духовные отцы учили, что, поскольку апостолом сказано «Плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божьего» (1 Кор. 15, 50), то «для получения Царствия надобно обесплотить и обескровить себя, то есть утвердиться в таком характере жизни, что крови и плоти словно нет»⁹⁴.

В отличие от католицизма с его традиционным разделением общества на монахов и мирян, которым в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию, к той или иной возрастной группе, профессии и иным социальным характеристикам предписывались свои нравственные требования, православие применяло ко всем одинаковый масштаб морали, выстроенной по монашескому образцу. Аскетические труды святых отцов расценивались как «азбука для монашествующих и руководство для мирян»⁹⁵. Не различая монашеской и мирской морали, православная церковь считала, что каждый мирянин должен ориентироваться на монашеский идеал и быть монахом-аскетом в сердце своем⁹⁶.

В этом отношении протестантизм являл собой полную противоположность православию и католицизму, поскольку категорически отрицал монашество как таковое, оставив верующему лишь мирскую сферу деятельности. Именно в ней теперь следовало искать способы приближения к Богу. Повседневный труд и профессиональное совершенствование становились важнейшим поприщем на этом пути. Идеалом становился не уход от мира за монастырскую ограду, а, напротив, активизм в миру. Человек призван быть христианином и проявлять свою веру в семейной жизни и профессиональной деятельности. «Разве не прекрасно, когда человек знает, что если вы совершаете свою ежедневную домашнюю работу, то это лучше, чем вся святость и аскетическая жизнь монахов?» — риторически вопрошал М. Лютер⁹⁷.

⁹⁴ *Феофан Затворник*. Краткие мысли на каждый день года по церковному чтению из Слова Божия. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1991. С. 49.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ См.: *Булгаков С.* Православие. Очерки учения православной Церкви. Киев: Лыбидь, 1991. С. 186.

⁹⁷ Книга Согласия. Большой катехизис доктора Мартина Лютера. (Пункты 145–147). URL: http://bohmnarod.ru/confess/concordia_ru/bkateh2.html .

При этом профессионализм, честность и добросовестность, по его словам, «будут способствовать нашему преуспеянию и высшему благу так, чтобы наша жизнь была приятна, и мы имели в ней всевозможные блага»⁹⁸. Благословение Божие проявляется, в частности, в успешности, в том, чтобы иметь все необходимое, все то, «без чего от этой жизни нельзя получить никакого удовольствия и никакой радости»⁹⁹.

Что касается кальвинизма, то он культивировал ориентацию как на «интериорную», т.е. внутренне-психологическую бедность, так и на реальное богатство. Ж. Кальвин проповедовал: «Нужно, чтобы мы были бедными в наших сердцах, чтобы у нас не было гордости нашим богатством, чтобы мы не пользовались им для угнетения слабых... и, наконец, чтобы мы были всегда готовы, когда это будет угодно Богу, снова стать бедными»¹⁰⁰.

В целом же для всех протестантских направлений было характерно восприятие материального благополучия как Божественного поощрения. «Благочестивый человек будет, несмотря ни на что, иметь достаточно», — убеждал М. Лютер¹⁰¹. По его мнению, «...Кто хочет быть бедным, не должен быть богатым; а если он хочет быть богатым, то пусть берет в руки плуг и добывает богатство от земли»¹⁰².

Для православия был характерен совершенно другой подход. Ориентация на монашеский идеал всего христианского сообщества, включая мирян, предполагала акцент на добродетели нестяжания. В монашеской среде оно выступало главным символом так называемого кенозиса, который был, по словам С.А. Аверинцева, русской «национальной» чертой святости¹⁰³. Речь шла о подражании Христу через вольное страдание, самоуничтожение и смирение. Социальное опроще-

⁹⁸ Большой Катехизис М. Лютера. Толкование на заповедь «Не укради». URL: <http://svitlo.by.ru/konkordia/bkateh4.htm> .

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Цит. по: Философия эпохи ранних буржуазных революций. М.: Наука, 1983. С. 102.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² *Лютер М.* К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства. URL: <http://svitlo.by.ru/bibloteka/luter/dvor.htm> .

¹⁰³ *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 6–7.

ние составляло его неотъемлемый компонент. Не случайно в Житиях святых часто упоминалось о любви того или иного святого к «худым ризам» — одежде «ветхой, не раз перешитой, и не отстиранной, и грязной, и многим потом пропитанной, а иногда даже и с заплатами». Сложилось представление, что добродетель обратно пропорциональна высоте социально-имущественного положения. Идея о праведности бедняка и порочности богача, сформулированная еще ранними отцами церкви, стала неотъемлемым компонентом православной психологии.

С этим была связана еще одна важная установка, которой придерживались многие русские монастыри: «Все отдавать Богу, всего ждать от Бога». Это подразумевало осуждение «хозяйственной осмотрительности» и всякого рационального расчета, особенно при раздаче милостыни страждущим. Однако такая установка закрепились как образец для подражания и среди многих мирян, которые были склонны возлагать все упование на высшие силы. Возможно, с ней связано также и органическое отторжение у многих православных дисциплинированного учета расхода и прихода. Во всяком случае, это занятие никогда не связывалось с религиозной добродетелью, как у протестантских богословов.

Вместе с тем в конце XV — начале XVI в. столкнулись два идеала, две тенденции в развитии русского монашества. Первая из них связана с именем прп. Нила Сорского (1433–1508), вторая — прп. Иосифа Волоцкого (1439–1515). По сути речь шла о двух способах преобразования мира на христианских началах. Нил Сорский видел в добровольной бедности условие праведности. Ему представлялась абсурдной сама возможность владения монастырем обширными имениями и богатством. Ведь, по его убеждению, только при полном отречении от мира и «беспечении» можно сосредоточиться на молитве, обрести, по его словам, «внимание в деле Божиим»¹⁰⁴.

Идеал прп. Нила и «заволжцев» требовал разрыва с миром всех связей. Поэтому их линия отличалась «некоторым забвением о мире, но не только в его суете, но и в его нуждах и болезнях. Это было не

¹⁰⁴ См.: Преподобного и богоносного отца нашего игумена Нила Сорского, основателя скитского жития, поучения его ученикам, которые вместе с ним в пустыне захотели жить, собранные из Священного Писания и содержащие все, что нам необходимо // *Смолич И. Жизнь и учение старцев / Богословские труды. № 31. М.: Издательский совет РПЦ, 1992. С. 121.*

только отречение, но и отрицание... Именно отказ от прямого религиозно-социального действия и был своеобразным социальным коэффициентом Заволжского движения», — справедливо пишет прот. Г. Флоровский¹⁰⁵.

Противоположной была линия, выработанная прп. Иосифом Волоцким. Он видел в монастыре не убежище от мирской суеты, а важную составляющую общей жизни всего христианского народа. Заботы прп. Иосифа о хозяйстве монастыря, его экономическом процветании, превращении в могущественный и богатый духовно-религиозный и культурный центр объяснялись стремлением организовать как можно более масштабную благотворительность, устроить приюты, странно-приимные дома и больницы, помогать людям во время голода и неурожая, а также поднимать культурно-образовательный уровень иноков и мирян, приучать их к благочестию.

Собор 1503 г. закончился поражением «нестяжателей» и торжеством «иосифлян». Их взгляды определяли церковную и монашескую жизнь. Однако со временем «иосифлянская» традиция привела к доминированию внешнего, уставного благочестия над внутренним духовным деланием. В этих условиях появился «Домострой» Сильвестра с его новым идеалом православного христианина — домовитого и рачительного хозяина. Счет всего — от денег до ложек — приобретает у него характер христианской добродетели. Тот же, кто живет нерасчетливо, от безрассудства своего пострадает, тому — «от Бога грех, а от людей насмешка»¹⁰⁶. При всех особенностях этого произведения его отличала, по справедливой оценке известного русского историка Н.И. Костомарова, «забота о слабых, низших, подчиненных, и любовь к ним, не теоретическая, не лицемерная, а чуждая риторики и педантизма, простая, сердечная, истинно христианская»¹⁰⁷.

Традиция «умного делания», которую прививал прп. Нил Сорский, казалось, совсем исчезла к концу XVI в., однако вновь возродилась в XVIII в. Образ христианина как странника на этой земле, не при-

¹⁰⁵ Флоровский Г. Пути русского богословия... С. 21.

¹⁰⁶ Там же. С. 286.

¹⁰⁷ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Мысль, 1993. С. 276.

вязанного ни к чему земному, рисуется идеалом многими пастырями этой эпохи.

Ориентация на монашеский идеал¹⁰⁸ на практике не привела к торжеству внутренней дисциплины личности, но обернулась психологическим разрывом между мирянами и монахами. Как справедливо отмечал крупнейший политический деятель и исследователь русской культуры рубежа XIX–XX вв. П.Н. Милюков: «Для мира, для жизни, для действительности этот аскетический идеал был слишком высок и чужд. Для аскетического идеала мир в свою очередь был слишком греховен и опасен». Монах — «совершенный христианин» стремился уединиться от мира, а мир плохо понимал его¹⁰⁹.

К XIX в. в православной церковной мысли оформились две тенденции, восходящие к «нестяжателям» и «иосифлянам», но значительно видоизмененные. Для первой было характерно сосредоточение на внутреннем состоянии души при полном равнодушии к социальному переустройству общества, для второй — приспособление к новым буржуазным условиям.

Эти тенденции сказались в церковном проповедничестве, которое в эту эпоху приобрело большой размах. Одни проповедники, как, например, арх. Дмитрий (Муретов), убеждали, что «бедность и убожество — с верой и благочестием, с терпением и покорностью воле Божией — не нищета, а приобретение, не наказание, а знамение любви Божией»¹¹⁰. Другие, подобно архим. Амвросию (Ключареву), призывали к профессиональному совершенствованию и говорили о том, что с увеличением количества зажиточных тружеников должно подняться и общее благосостояние России, если, конечно, собственность будет использована не в эгоистических целях, но для общего блага и преодоления «пауперизма».

¹⁰⁸ Как писал архим. Иоанн (Маслов): «В течение многих веков на Руси “И в домашнем быту, и в общественной жизни чувствовался монастырский уклад”. Показательно в этом отношении историческое свидетельство Павла Алеппского (XVII в.), который, посетив Москву, говорил, что ему и его спутникам все время и в мирской обстановке “казалось, что они в монастыре”» (Иоанн (Маслов). Покаянная дисциплина Древней Руси // Богословские труды. № 31. М., 1992. С. 26).

¹⁰⁹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. С. 25.

¹¹⁰ Полное собрание проповедей Дмитрия архиепископа Херсонского и Одесского (Муретова). М., 1889. Т. 2. С. 496–497.

С этим направлением смыкалась религиозная философия «серебряного века», вдохновленная идеями Вл. Соловьева, по словам которого «важно, с нравственной точки зрения, чтобы все наши ближние были избавлены от нищеты, но это совсем не значит, что они должны быть одинаково богаты»¹¹¹. Вместе с тем русские религиозные философы не были единодушны в оценке собственности. Так, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, П.И. Новгородцев, Л.П. Карсавин, Б.П. Вышеславцев и многие другие связывали принцип частной собственности с личностью, считая ее необходимой для реализации человеческой свободы. Более того, «одухотворенные» человеческой любовью и заботой вещи, передаваемые по наследству, они считали своего рода продолжением человеческой личности. Социальное совершенствование, по их мысли, неразрывно связано с признанием человеческой личности безусловной ценностью, и ни один человек не может рассматриваться как средство для достижения чего бы то ни было (например, для производства материальных благ). Особую позицию занимали В.Ф. Эрн и В.П. Свенцицкий, апеллируя к буквальному пониманию евангельских текстов. Ими делался вывод о несовместимости частной собственности с христианством. Идеал полагался в воссоздании раннехристианских общин с обобществлением имущества.

Советская эпоха нанесла религиозной жизни и православному богословию непоправимый ущерб. Лишь спустя семь десятилетий открылись возможности для его возрождения. В принятом в 2000 г. Архиерейским Собором документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» была изложена церковная точка зрения по ряду важнейших социальных вопросов, в том числе касающихся бедности и богатства — главы «Труд и его плоды» и «Собственность».

Признавая, что «совершенствование орудий способствует улучшению материальных условий жизни», авторы документа обращают особое внимание на то, что «обольщения достижениями цивилизации удаляет людей от Творца» (гл. VI, 3). Из дальнейшего контекста следует, что цивилизационное развитие находится в руках противобожеских сил, т.е. антихриста.

¹¹¹ Соловьев В. С. Социальный вопрос в Европе // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 446.

Высший идеал организации труда видится в хозяйственной деятельности русского монашества, т.е. труднической аскезе. Но значит ли это, что труд мирян равен по нравственному достоинству трудам иноков? Видимо, нет, поскольку монашество признается авторами документа высшим образцом праведной жизни. Что касается мирских занятий, то в документе говорится: «Церковь благословляет всякий труд, направленный ко благу людей, при этом не отдается предпочтения никакому из видов человеческой деятельности» (гл. VI, 5).

Что касается собственности, то в документе содержится несколько основных идей. Первая заключается в том, что «каждый человек должен иметь достаточно средств для достойного существования». Вторая напоминает, что человек должен искать прежде всего Царствия Божьего и правды его, а забота о хлебе насущном является вторичной задачей. Как говорится в документе, православие далеко от обеих крайностей: игнорирования материальных потребностей, с одной стороны, и превозношения стремления к обогащению — с другой. Напоминает, что земные блага люди получают от Бога, которому и принадлежит абсолютное право владения ими, авторы документа развивают тезис о том, что имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство о том, угоден или неугоден он Богу.

Раскрывая это положение, авторы как бы нравственно реабилитируют богатых, подчеркивая, что в Священном Писании не содержится порицания богатства как такового. В целом складывается впечатление, что РПЦ балансирует между массой простых прихожан, большинство которых живет за чертой бедности, с одной стороны, и богачами — с другой. Отсюда двойственность ее позиции в оценке современных экономических реалий, собственности и богатства.

Говоря о собственности, авторы документа подчеркивают, что «Церковь признает существование многообразных форм собственности. Государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития. Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм», поскольку «при каждой из них возможны как греховные явления — хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ» (гл. VII, 3).

Отметим, что это во многом отличается от западнохристианской традиции, которая отдает явное предпочтение частной собственности, что, однако, не означает ее апологетики. Как католические, так и протестантские богословы признают приоритет общего блага, а частную собственность считают человеческим установлением — вторичным по отношению к всеобщему предназначению благ.

Среди преимуществ частной собственности обычно указывается, что она способствует развитию экономики, стимулирует способность к творческому труду, изобретательству, умение планировать и организовывать хозяйственный процесс, а также обеспечивает благосостояние семьи через ее передачу из поколения в поколение. Вместе с тем каждый должен рассматривать «свою» собственность и всякие материальные блага «не как принадлежащие только ему, но также как общие, в том смысле, что они должны идти на пользу не только ему одному, но и другим»¹¹².

Но это право частной собственности ни для кого не является безусловным и абсолютным. Ради блага всего народа, как указывается в социальных энцикликах папства, может быть допущена частичная национализация частной собственности, своекорыстные злоупотребления которой католическая церковь категорически осуждает.

Основной пафос многих энциклик состоял в том, чтобы, признав факт социального конфликта, перевести классовую борьбу в русло плодотворного диалога между богатыми и бедными, — как между людьми, так и между государствами. Развивая идею социальной, национальной и мировой солидарности, Ватикан настойчиво призывает богатые страны оказывать помощь развивающимся и слаборазвитым странам. В противном случае экономический прогресс становится самоценностью и начинает душить человека, вносит в общество все больший разлад и разделение, погрязая в собственных противоречиях и кризисах. В этом отношении показательны энциклики Бенедикта XVI, последняя из которых «*Caritas en Veritate*» (Милосердие в истине) была специально посвящена социально-экономическим проблемам, обострившимся

¹¹² Пастырская Конституция 1965 г. «Радость и надежда» о Церкви в современном мире. («*Gaudium et spes*»). Ст. 25 // Второй Ватиканский Собор. Конституции, Декреты, Декларации. Брюссель: Жизнь с Богом, 1992. С. 398.

в связи с современным мировым кризисом. Ее основная идея заключается в необходимости соединения экономики и этики.

Характерно при этом, что, по единодушному мнению многих духовно-религиозных лидеров и глав христианских церквей, главная причина кризиса в экономике связана с ее отрывом от нравственных заповедей. Так, предстоятели православных церквей в своем специальном Послании отмечали, что кризис «является результатом извращенной экономической деятельности, лишенной человеческого измерения и не служащей подлинным потребностям человечества, а также погони финансистов за наживой, часто приобретающей маниакальный характер. Жизнеспособна лишь такая экономика, которая сочетает эффективность со справедливостью и общественной солидарностью»¹¹³. С этим согласен Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, по словам которого из кризиса нужно выводить не столько экономику, сколько человеческие души¹¹⁴. О том же говорят и протестанты, а духовный лидер англиканской церкви архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс выразился еще более определенно: «Причина экономического кризиса — человеческая жадность!»¹¹⁵ Все убеждены, что экономика, чтобы избежать подобного рода кризисов, должна развивать «человеческое измерение» и учитывать духовно-нравственные ценности. По словам Бенедикта XVI, сейчас «только безумие может побудить строить позолоченный дом, вокруг которого царит пустыня или деградация»¹¹⁶.

Еще в 1985 г. в одном из своих докладов Папа (тогда еще — кардинал Й. Ратцингер) писал, что экономика и этика представляются современному миру взаимоисключающими, но суть именно в том, что они должны быть соединены, сохраняя при этом свою автономность. Поэтому, по его мнению, необходимо не только наращивать научные

¹¹³ Послание Предстоятелей Православных Церквей (Фанар, 12 октября 2008 г.). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/473056.html> .

¹¹⁴ *Патриарх Кирилл*. Речь на пасхальном приеме в МИД РФ. Интерфакс 23 апреля 2009 г. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=29921> .

¹¹⁵ См.: <http://www.bogoslov.ru/text/351431/index.html> .

¹¹⁶ Послание Папы *Бенедикта XVI* к празднованию Всемирного дня мира (1 января 2009 г.). URL: http://www.radiovaticana.org/rus/docs/Peace_message_2009.pdf .

экономические знания, но и развивать социальную этику, чтобы экономика служила не ложным, а истинным целям.

О солидарности и преодолении бедности как первоочередной проблеме, которую нельзя откладывать, но необходимо решать всем миром, говорят все религиозные лидеры. Но будут ли их слова услышаны — вопрос, ответ на который подскажет будущее.

* * *

В целом можно заключить, что этическое осмысление бедности и богатства прослеживается с самых давних времен. Накопленный человечеством за многие века и тысячелетия духовный опыт не устарел, но сохраняет свою актуальность. Прежде всего потому, что позволяет увидеть, что разными путями самые далекие друг от друга духовно-религиозные учения приходили к одним и тем же выводам. Любовь и милосердие — вот что стояло в центре их нравственной проповеди и полагалось главным в социальном бытии.

В христианстве — православии, католицизме и протестантизме — социально-экономические проблемы ставятся и решаются по-своему. И каждое из христианских исповеданий имеет при этом свои как сильные, так и слабые стороны. Расширение диалога между ними, как и межконфессиональные контакты в масштабах всего мира, могут стать основой для взаимного идейного обогащения, что в свою очередь, может внести важный вклад в решение общей проблемы, стоящей перед человечеством, — в преодоление бедности, нищеты и отсталости.

© Коваль Т.Б., 2011

Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания [Текст] / редкол. : Я. И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Автономов (зам. гл. ред.), О. И. Ананьин и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 671, [1] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0744-5 (в пер.).

Альманах «ИСТОКИ» — издание, посвященное анализу экономики в широком культурно-историческом и интеллектуальном контексте. Центральная тема очередного (седьмого) выпуска альманаха — это тема среды: культурной, социальной, интеллектуальной, в которой действуют экономические агенты, рождаются и находят свою форму экономические идеи. Основные рубрики выпуска: «Экономика и этика», «Экономика и литература», «Дж.М. Кейнс и вероятность» и «Памятники экономической мысли. К 125-летию со дня рождения И.И. Рубина».

В альманахе читатель найдет оригинальные исследования экономического поведения в различных религиозно-этических средах Т.Б. Коваль и А.А. Сусоколова, а также работу литературоведа Т.Д. Венедиктовой об экономических образах в художественной литературе. Специально для альманаха подготовлена работа Вивьен Браун — пример историко-научного исследования экономической мысли на основе идей М.М. Бахтина. Впервые на русском языке публикуются работа лауреата премии им. А. Нобеля Дж. Бьюкенена «Этические правила, ожидаемые оценки и большие группы» и авторитетный обзор на эту же тему Д. Хаусмана и М. Макферсона; знаменитая статья Д. Макклоски «Риторика экономической теории», давшая начало риторическому подходу к анализу экономических теорий; а также неопубликованная, но давно ожидаемая специалистами рукопись крупнейшего советского марксиста 1920-х годов И.И. Рубина о теории денег Карла Маркса. Развитие рубинской интерпретации Маркса в наши дни представлено переводом статьи современного американского неомарксиста Д. Фоули. Наконец, также впервые на русском языке публикуются избранные главы из «Трактата о вероятности» Дж.М. Кейнса и материалы о последовавшей дискуссии.

Альманах рассчитан на специалистов в области экономической теории, этики, истории экономической мысли и общественнознания, студентов, аспирантов и преподавателей общественных наук.

УДК 330.8(059)
ББК 65.02

ISBN 978-5-7598-0744-5

9 785759 807445